

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

ВЫПУСК 2

СПОРЫ О ПРОШЛОМ КАК ПРОЕКТИРОВАНИЕ БУДУЩЕГО

**СБОРНИК
НАУЧНЫХ ТРУДОВ**

**Москва
2014**

ТЕХНОЛОГИИ СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Дж. Александер

НОВОЕ СИМВОЛИЧЕСКОЕ НАПОЛНЕНИЕ: БАРАК ОБАМА И ПОСЛЕДНЯЯ ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ¹

Во время выборов в Конгресс в ноябре 2010 г. оппоненты-республиканцы нанесли серьезный урон Демократической партии президента Обамы: она потеряла 63 места в Палате представителей. Это самое большое поражение в промежуточных выборах с 1938 г. Демократы утратили контроль над основным законодательным органом, уступив его республиканскому большинству. Они также потеряли несколько ключевых мест в Сенате, хотя и сумели сохранить там контроль с небольшим перевесом.

I

СМИ драматически интерпретировали этот факт как Смерть Героя.

За несколько дней до выборов Морин Дауд (Maureen Dowd) пророчила, что «коалиция и правительственное большинство вокруг президента рассыплется вдребезги» (31.10.2010). На следующий день после поражения «Нью-Йорк таймс» вышел с грозным, почти шекспировским заголовком: «Победа республиканцев, крутой поворот вспять» (2.11.2010).

¹Перевод с англ. Пленарный доклад на XI Ежегодной конференции Сообщества профессиональных социологов «Поле социологии в России и мире: Кризис, критика, изменения» 16 марта 2013 г. Публикуется с разрешения автора. Оформление, а также система ссылок и сносок соответствуют оригиналу статьи.

В воздухе витал запах крови. Движение Чаепития усилило свои позиции. Восхождение Обамы оказалось не свидетельством возрождения либерализма, а случайной вспышкой на горизонте политического времени. «Лично я думаю, что он уже потерял шанс на переизбрание», – торжественно возвещал Дик Арми (Dick Armeu). Активист-неоконсерватор и бывший член кабинета министров Буша, очевидно, знал, что говорил: он был ключевой фигурой в реакционно-популистском Движении Чаепития, которое возникло летом 2009 г. с целью противостоять реформе здравоохранения Барака Обамы (2.11.2010).

Консервативные ученые мужи Америки интерпретировали столь массовый поворот в сторону республиканцев как своеобразный упрек американского электората левому президенту и его правительственным программам, направленным на перераспределение, которое простиралось от регулирования Уолл-стрит до спасения автомобильной промышленности от банкротства и реформы здравоохранения, официально названной Законом о доступном медицинском обслуживании (Affordable Care Act), но уничижительно именуемой «Obama care». <...>

Принадлежащий Руперту Мердоку «Уолл-стрит джорнал» с трудом скрывал удовлетворение: в редакционной статье, посвященной итогам 2010 г. (31.12.2010), утверждалось, что результаты выборов ясно свидетельствуют о резком изменении отношения граждан к либеральной социальной политике: «Действительная история 2010 г. заключается в том, что избиратели наконец смогли увидеть его [Барака Обамы] либеральную программу без прикрас и оценить ее».

II

Если рассматривать эти утверждения о значении выборов 2010 г. с культурно-социологической точки зрения, они предстают тем, чем, собственно, и являются, – высказываниями о значении произошедшего, конструирующими его смысл. Их корни – не в социальной реальности, а в идеологии и рекламе. Придавая убедительную форму надеждам и страхам, они *интерпретируют* результат голосования, а не *описывают* его объективно. В терминологии Остина (Austin), эти утверждения представляют собой перформативные, а не констатирующие действия. Вместо того чтобы обозна-

чать состояние, которое уже существует, они стремятся сделать воображаемое состояние реальным с помощью говорения о нем.

Действительно ли электорат так рационален, как предполагается этими утверждениями? Так ли ясны мнения избирателей? Откуда нам известно, на что именно указывает голосование? Можем ли мы вообще говорить об «электорате» как таковом? Будет ли эмпирически корректно утверждать, что результаты выборов в Конгресс в 2010 г. говорят нам что-то об «американском народе»? С культурно-прагматической точки зрения голосование должно рассматриваться как символическая коммуникация.

Это политический спектакль, который открыт для герменевтической интерпретации – и действительно нуждается в ней. Без сомнения, те, кто участвовал или не участвовал в выборах, реагировали на кое-что, связанное с действиями президента Обамы в первые годы его пребывания на посту, но действительно ли они реагировали на левизну его политики?

Активисты Движения Чаепития хотели бы, чтобы это было так. Всего лишь шестнадцатью месяцами ранее они возникли на публичной сцене на гребне волны продвигаемого Обамой левого социально-экономического законодательства, которое стали яростно перетолковывать.

Но может быть, сдвиг в голосовании в пользу республиканцев – это не столько результат «прозрения» граждан в отношении политики либералов, сколько реакция на культурную несостоятельность либерального политического перформанса? Быть может, он отражает неспособность левых найти подход к центристской аудитории, а также неадекватность их приемов, не позволивших эмоционально увлечь даже потенциально симпатизирующую им аудиторию?

Культурно-социологическая модель демократии, о которой я говорил на прошлой неделе, не представляет дело так, будто политические лидеры предлагают политический курс избирателям, которые ясно видят ситуацию, способны рационально взвешивать эффективность политики и при голосовании выражают делиберативно принятые решения. Напротив, она предполагает, что политические лидеры выступают перед аудиториями со сложными и многоуровневыми представлениями (performances). Аудитории граждан могут вовлекаться в эти представления с большим или меньшим энтузиазмом, более или менее критически – или не вовлекаться вообще. Эти реакции даже не являются интерпретацией представления, которое дает лидер, ибо гражданам доступна лишь

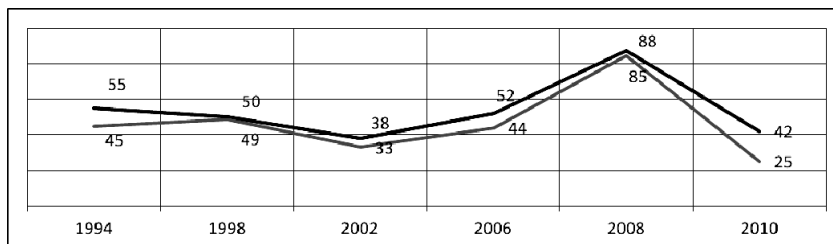
его журналистская реконструкция в СМИ. Кроме того, эти опосредованные СМИ интерпретации выступлений лидеров еще и подвергаются герменевтической реконструкции в опросах общественного мнения и комментариях журналистов.

Согласно опросам общественного мнения на выходе с избирательных участков, в 2010 г. лишь 37% голосовавших за местных представителей Конгресса рассматривали национальные выборы как референдум администрации Обамы, 24% не считали, что это так, еще 40% голосовавших не были в этом уверены (2.11.2010).

А как быть с теми, кто не голосовал? Значительные сегменты электората, доверившего власть Обаме в 2008 г., не участвовали в выборах в Конгресс двумя годами позже (см. диаграммы 1, 2). Опросы общественного мнения показали, что Обаму поддержало беспрецедентное большинство молодых избирателей в возрасте от 18 до 30 лет; однако в 2010 г. немногие из них воспользовались своими голосами (16.11.2010). Несмотря на еще более глубокую и широко распространенную приверженность Обаме афроамериканцев, уровень их участия на ноябрьских выборах 2010 г. также понизился. Один темнокожий комментатор за несколько дней до выборов заметил: «Чувства надежды и исторической значимости, которые собрали явку в 2008-м, сейчас в дефиците» (17.10.2010).

Диаграмма 1

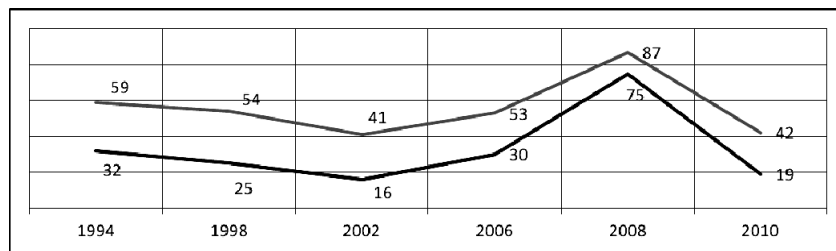
Намерение принять участие в голосовании: Промежуточные выборы 1994–2010 гг. и президентские выборы 2008 г.¹
Ответы «весьма вероятно» / «с некоторой вероятностью», в %

Темный цвет – неиспаноязычные белые; светлый – темнокожие. «С некоторой вероятностью» было произвольным ответом.

¹ Данные опросов 1994–2008 гг. получены в октябре-ноябре; в 2010 г. данные основаны на опросах 23–29 августа «Gallup daily tracking».

Намерение принять участие в голосовании: Промежуточные выборы 1994–2010 гг. и президентские выборы 2008 г.¹
Ответы «весьма вероятно» / «с некоторой вероятностью», в %

Темный цвет – от 18 до 29 лет; светлый – старше 30. «С некоторой вероятностью» было произвольным ответом.

Осуществление политической власти имеет не только инструментальное, но и культурное содержание. Избиратели реагируют на манеру и стиль исполнения.

С инструментальной точки зрения президент Обама осуществлял исполнительную власть весьма эффективно и добился далекоидущих перемен в гражданских отношениях (*far-reaching civil repairs*), которые могли бы существенно изменить социальную организацию американской гражданской сферы. Однако одерживая эти организационные победы, он не сумел представить их смысл прежними способами. Он потерял символическую опору. Его выступления, несмотря на инструментальную эффективность, были лишены блаженного дара (*were not felicitous*), используя эстетический термин Остина. Пока президентские выступления теряли символическую власть, возникло Движение Чаепития, которое бесцеремонно столкнуло бывшего и будущего американского героя с публичной сцены. «Теперь уже несколько месяцев повышенный интерес и напряжение имеют место на правом фланге, ведомом Движением Чаепития», – отмечал «Нью-Йорк таймс» в марте 2010 г. (7.03.2010). Известная политическая журналистка Элизабет Дрю писала в «Нью-Йоркском книжном обозрении»: «Президент Обама, кажется, на глазах съезжается и превращается в неудачника» (23.12.2010).

¹ Данные опросов 1994–2008 гг. получены в октябре-ноябре; в 2010 г. данные основаны на опросах 23–29 августа «Gallup daily tracking».

Поражение демократов в 2010 г. было отражением этого перформативного провала. Сознвая длившуюся годами дефляцию своего символического лидера, организаторы политической кампании демократов пытались «зажечь» (3.10.2010) гражданские аудитории, но им не удалось высечь искры. Демократы «искали энергию» в избирателях, но не смогли ее найти. Вот почему они проиграли в ноябре 2010 г.

III

В том же году, но раньше был момент, когда после принятия закона о здравоохранении, со скрипом проведенного Обамой, лучи героической славы сверкнули из-под покрова туч. После этого законодательного триумфа заголовки чествовали Обаму как «победителя великанов, чувствующего свою силу». «Может, Обама непобедим?», – спрашивал «Нью-Йорк таймс» (20.03.2010). Журнала «Тайм» сравнивал его с супергероем (4.04.2010). Президент охотно согласился с такими оценками своих выдающихся достижений. Апеллируя к своей первой президентской кампании 2008 г., во время которой он обещал стать двигателем социальных реформ, Обама заявлял: «Мы сделали исторически важный шаг. Вот как выглядят перемены».

Он действительно совершил исторические преобразования, и действительно именно ТАК выглядят политические перемены.

Но после того как демократам в Конгрессе все-таки удалось принять Закон о доступном здравоохранении (Affordable care act), лишь 34% граждан в опросах общественного мнения одобрили его. Через две недели после принятия закона рейтинги оценки деятельности Обамы упали до 44% (3.04.2010). А в начале апреля нефтяное пятно от платформы в Мексиканском заливе нанесло ущерб затянувшейся славе. Президент США казался беспомощным и пассивным перед силой беспощадно разрушающей природу «Бритиш петролеум». После 56 дней нефтяного кризиса колумнистка «Нью-Йорк таймс» написала: «Человек, который ходил по воде, пойман в ловушку кризисом под водой» (2.06.2010). <...> «Мистер Непопулярный», – гласил заголовок «Тайм» в конце августа. Когда выборы в Конгресс 2010 г. замаячили на горизонте, «Нью-Йорк таймс» выступила с предостережением: «Обаме нужно вдохновить американцев» и «сплотить нацию вокруг великой идеи» (29.08.2010).

Но к тому времени было уже поздно. Исполнение (performance) власти не прошло тест блаженного дара (the test of felicity); когда-то восприимчивые аудитории отвернулись от нее – и не пришли в день выборов.

А двумя годами позже, в ноябре 2012 г., они вернулись и с энтузиазмом аплодировали представлению «Последней кампании». Президент Обама стал вторым демократом за 70 лет, переизбранным на второй срок, и третьим, получившим более 50% голосов на двух президентских выборах. Он наконец понял, как вдохновлять американцев, управляя ими. Он собрал нацию вокруг великой идеи – идеи социального равенства, которая стала главным фреймом исполнения президентской власти (performance of presidential power) во время его второго срока.

В оставшееся время я попробую объяснить, как это было сделано, и назвать некоторые причины успеха.

IV

Спусковым крючком для изменений в судьбе Обамы стали эстетические рефлексии (aesthetic reflexivity). В марте 2010 г., в разгар снижения популярности демократов глава предвыборного штаба Обамы, его главный имиджмейкер Дэвид Аксельрод во время одного из своих публичных выступлений признался, что «недоумевают», «почему мы не потеряли еще больше». Обвиняя «грязный фильтр» медиа, известный консультант раскритиковал журналистов за то, что они мыслят «как если бы каждый день был днем выборов».

Однако президенту Обаме нужно было научиться мыслить именно так. Чтобы править успешно, нужно каждый день вести себя так, как если бы это был день выборов. Как Макиавелли и Гоббс объяснили задолго до Ричарда Нойштадта, управлять – значит вести кампанию (governing is campaigning).

В начале февраля 2009 г. недавно вступивший в должность президент Обама назвал себя «вечным оптимистом», верящим, что «со временем люди отзываются на цивилизованные и рациональные аргументы» (2.02.2009). Год спустя, после того, как появилось Движение Чаепития, Тедди Кеннеди потерял долгое время занимаемое им кресло сенатора от Массачусетса, и стало расти сопротивление законодательству о здравоохранении, президент Обама уже не выказывал такого самодовольства. В интервью одной газе-

те он признался: «Я был так занят делами, связанными с устранением надвигающегося кризиса, что мы, я думаю, потеряли этот дух – когда мы напрямую говорим с американским народом о том, каковы его основные ценности и почему нам нужно быть уверенными, что эти институты им соответствуют». Президент хотел сказать, что он не «чувствует» свою аудиторию. Что американский народ увидел, продолжал он, так это то, «как далеки от него все эти вашингтонские технократы».

Два с половиной года спустя, в июле 2012 г. изменивший свое символическое наполнение (*symbolically reinflated*) Обама сидел рядом с Мишель на телешоу канала CBS «Этим утром». Отвечая на вопрос знаменитого журналиста Чарли Роуза о видимых изменениях в его политической судьбе, президент именно так описал кривую своего обучения: «Ошибка моего первого срока, первой пары лет заключалась в том, что я думал: главное в этой работе – делать хорошую политику. И это важно. Но суть этой должности еще и в том, чтобы рассказывать историю американского народа, которая дает ему чувство единства, и цель, и оптимизм, особенно в трудные времена. Забавно – когда я баллотировался, все говорили: “Ну что ж, он хорошо говорит, но сможет ли он работать?”. А в мои первые два года, думаю, все отмечали: “Что ж, он крутится и управляется с большим количеством дел, но где же история, которая объяснит, куда он нас ведет?”. Думаю, это была законная критика». Чарли Роуз настойчиво выпрашивал президента: что такого он должен был объяснить американскому народу? На что президент отвечал: да, он хотел бы больше «объяснять, но при этом еще и вдохновлять». Мишель Обама тут же добавила: «Потому что надежда все еще здесь». Предварительно записанное видео разлетелось по всем воскресным утренним шоу.

V

Если либеральная и центристская части электората в конце концов обрели надежду, то произошло это потому, что президент Обама нашел способ вновь стать неким обобщенным отображением идеалов гражданской сферы. Чтобы это случилось, должны были измениться временные характеристики его героического нарратива. В 2008 г. кандидат в президенты Обама представлял себя в роли преобразователя. Но в первые два года его президентства, казалось, ничто не изменилось: экономика по-прежнему за-

стряла в канаве, и несмотря на амбициозное новое законодательство о банках и здравоохранении, повседневная жизнь простых американцев оставалась такой же, как раньше.

Нарративы – это культурные структуры, которые разделяют время на начало, середину и конец. Если время президентства Обамы было отмечено экономической депрессией и политической поляризацией, то конец его истории должен был оказаться трагическим; его нарратив – это движение от надежды к отчаянию. В конце 2010 г. Обама и его команда мягко, но существенно изменили такой порядок исторического времени. Они переопределили «сейчас» – современное время – в качестве середины, а не конца Пути Пилигрима. Нарративная дуга истории Барака Обамы была растянута, обещания разбавлены, спасение обещано, но еще не сейчас. Оно придет в будущем, позже, но не намного, где-то ближе к концу второго президентского срока.

В разгар падения 2010 г. Мишель Обама выступала с речью на мероприятии по сбору средств для сенатора-демократа Русса Фэйнголда. Она сказала: «Многие из нас ожидали увидеть те перемены, о которых мы говорили, сразу, буквально через минуту после того, как Барак вошел в овальный кабинет Белого дома... Но правда в том, что для того, чтобы выбраться из этой ямы, в которой мы сидим, потребуется больше времени, чем нам хотелось бы» (13.10.2010). Практически аналогичным образом временную схему переопределил секретарь фракции демократического большинства, сенатор от Южной Каролины Джеймс Э. Клайберн, публично заявив: «Думаю, люди начинают видеть... эти ожидания не были бы реализуемы, даже если бы президент был волшебником» (16.10.2010). За две недели до выборов 2010 г. президент Обама старался заверить толпу молодежи: «Это только начало пути» (17.10.2010).

Появление символического и арифметического большинства у республиканцев в Палате представителей в результате унижительного поражения демократов на выборах 2010 г. сделало принятие «прогрессивного» законодательства невозможным. Столкнувшись с новой реальностью, президент Обама мог бы чуть-чуть сдвинуться с левого фланга в центр, симитировать умеренно консервативную форму законодательного компромисса. Именно это сделал Билл Клинтон, когда примерно 20 лет назад столкнулся с собственным законодательным «Армагеддоном».

Вместо этого Обама предпочел государственным решениям публичные выступления. В начале 2011 г. Мэтт Бай, близкий к

властным кругам репортер «Нью-Йорк таймс», сообщил о «полном повороте... от законодательных приоритетов к рассказыванию более четкой американской истории» (16.01.2011). Примерно тогда же, в начале февраля 2011 г. высокопоставленные помощники главы Белого дома на брифинге для журналистов накануне президентского послания, стремясь сформировать их ожидания, использовали такие выражения, как «история» и «рисовать картину». В самом послании президент предложил объединить усилия двух партий, чтобы «выиграть будущее» (26.01.2011). В своем отчете о речи президента журнал «Тайм» намекнул, что «спустя два года после начала своего президентства Обама открыл для себя, как много может дать рассказывание историй» (7.02.2011).

Во время этого поворота к «рассказыванию историй» в Тусоне, штат Аризона, было совершено покушение на члена Конгресса от штата Аризона Габриэль Гиффордс, женщину либеральных взглядов. Это было ужасное, кровавое покушение на политическое убийство, в результате которого погибли шесть случайных свидетелей. В кратчайшие сроки после этого события у Барака Обамы появилась возможность оказаться в центре национальной драмы траура и покаяния. Используя благоприятный для представления момент, он произнес перед притихшей и благоговейной тусонской аудиторией речь, транслировавшуюся по национальному телевидению, в которой призвал американцев к новой эре гражданственности (13.01.2011) и потребовал от политиков в Вашингтоне прекратить заниматься сведением счетов (12.01.2011). После этого почти восемь из 10 американцев в проведенном соцопросе заявили, что были сильно впечатлены тусонской речью президента.

VI

Осенние выборы 2010 г. прошли под знаком нарративных схваток аморфно определяемого «демократического Конгресса» и Движения Чаепития. А затем реальные политические представители последнего получили контроль над Палатой представителей. По ту сторону Вашингтонского Молла эти вполне определенные политические фигуры увидели не туманный «демократический Конгресс», а конкретного человека – Барака Обаму. При наличии столь легко опознаваемых героев и противников возникала возможность нагнетания драматической напряженности. Президент Обама занял место главного героя истории о добром демократиче-

ски избранном лидере, который борется за гражданские идеалы, сталкиваясь с упорным, очевидно пристрастным и антигражданским соперником. И действительно, обретя власть, консерваторы в Палате представителей начали ссориться между собой, объединяясь лишь для противостояния мерам, предпринимаемым президентом-демократом. Эти распри побудили влиятельного политического советника республиканцев саркастически заметить, что в толпе «неистовых консерваторов», которые кажутся американцам ненормальными, в республиканской фракции нижней палаты трудно найти «разумные голоса» (19.01.2011).

Президент Обама успешно представлял себя в качестве общественного деятеля, стремящегося «найти общий язык». Этот образ резко контрастировал с той крайней политической позицией, в которой он оказался в первые два года предыдущего срока. Три четверти американцев теперь видели президента в этом новом образе, и меньше чем половина из них приписывали аналогичные гражданские устремления республиканскому Конгрессу.

Благодаря этим вновь созданным символическим кредитам Обама смог приумножить свою перформативную власть. Впервые за время своего президентства он сумел найти золотую середину в гражданской сфере, платформу, с которой он мог бы говорить от имени всего народа – или по крайней мере тех, кто был не слишком правым, не слишком богатым или не слишком склонным к насилию.

Республиканская палата объявила приоритетом номер один сокращение дефицита бюджета. По-новому играющий свою роль президент тщательно воздерживался от внесения предложений, пока Палата не раскрыла свои карты. Республиканцы наконец приняли так называемый «Бюджет Райна», предполагавший трансформацию *Medicare* – бесплатной системы медицинской помощи для пожилых американцев – в ваучерную систему и сокращение бесплатной медицинской помощи для бедных и при этом сохранявший принятые во времена Буша налоговые послабления для богатейших американцев. Настал черед для главного героя Белого дома вступить в драку. Он объявил, что не позволит выстраивать бюджет на спинах «среднего класса» ради того, чтобы самые богатые американцы, которые уже извлекли выгоду из десятилетний налоговых поблажек, могли сохранить послабления при уплате налогов. Наоборот, настаивал Обама, налоговые ставки для богатых должны быть подняты, что добавит средства в бюджет без сокращения услуг для среднего класса.

Президент внес эти предложения в своем собственном бюджете и на этой основе стремился договориться о «великом компромиссе» с лидером республиканцев в Палате представителей Дж. Бейнером. Когда, как ожидалось, республиканцы из Движения Чаепития отказались идти на компромисс, президент отправился в тур по стране. Продвигая бюджет, который переносил бы гражданскую солидарность в налоговую сферу и сулил бы сокращение экономического неравенства, президент эффективно пробуждал «образ Америки, в которой мы связаны друг с другом...» (11.04.2011).

После этого многомесячного противостояния 70% американцев обвиняли в разрыве переговоров не президента, но республиканцев (5.08.2011). Начало расти негативное отношение к Движению Чаепития. В день выборов 2010 г. четверо из десяти избирателей объявляли себя его сторонниками. Спустя девять месяцев, летом 2011 г. всего лишь 18% американцев утверждали, что согласны с позициями этого движения, а четверо из десяти называли себя его противниками.

Президент заявил, что он не надеется на достижение соглашения с республиканским большинством, которое, как он сказал, упрямо и фанатично отстаивает привилегии. «Я не намерен заключать одностороннее соглашение, которое причинит вред тем, кто больше всего уязвим», – объяснял он (20.09.2011). Он заявил, что намерен дать американцам возможность самим решить, кто прав, и определить направление развития страны на президентских выборах, предстоящих через год.

Осенью 2011 г. заряженный новой энергией президент-нарратор засучил рукава. Отказавшись от компромиссов, он переквал ораля на мечи и приступил к активным действиям. Президент отныне представлял себя героем, отважно защищающим нацию от попыток республиканцев разрушить общественную солидарность.

И тут не случайно в поле зрения возникал стан соперников, возглавляемый весьма обеспеченным Миттом Ромни. Для команды Обамы Ромни был идеальной фигурой, прекрасно подходящей на роль шута или черного рыцаря в сценарии переизбрания президента. <...> Стоило Обаме обнаружить благодатную почву социальной солидарности и начать защищать средний класс и простых мужчин и женщин, как появилась фигура правого политика, честно ратующего за «экономические интересы» и «свободные рынки» против интересов гражданской сферы. Ромни играл персонажа,

обращенного назад в будущее. Имея выдающийся успех в частной жизни, публичный Ромни представлял своего рода антисимвол; фактически его «дрессировщики» решили сделать умеренного губернатора штата Массачусетс еще более «самодовольно односторонним: самым скучным супергероем, воплощенным в идеальный тип бизнесмена» (11.12.2011).

Как обобщенный представитель менталитета, присущего бизнесу, персонаж Ромни говорил такие вещи: «Мне нравится увольнять людей», «Корпорации тоже люди» и «Меня не беспокоят проблемы бедняков». Он скрытничал, избегал говорить о размерах и источниках своего состояния, отказывался сообщать о вычетах по налогам или раскрывать, какая часть его активов выведена в офшоры. Хотя все это было в рамках закона и с чисто экономической точки зрения имело смысл, с точки зрения гражданской сферы это было неуместно. У Ромни наблюдались отчетливые трудности при переходе от экономических проблем к гражданским.

Как только Обама начал позиционировать образ Ромни как воплощение антисолидарности, на публичной арене появилось движение «Захвати Уолл-стрит» (Occupy Wall Street movement).

Говоря привычным политическим языком, протест левых не принес существенных результатов, и в организационном плане он быстро исчез с американской сцены. Однако в культурном плане это движение достигло гораздо большего. Оно способствовало кристаллизации риторики о растущем экономическом неравенстве, которая до той поры оставалась в рамках сугубо академической дискуссии. Движение «Оссиру» стало поворотным пунктом, открыв двери для более отчетливых требований равенства в риторике мейн-стрима. Как сообщал в начале декабря 2011 г. «Таймс», президент теперь «привносит в свои речи моралистический язык, возникший в протестах «Оссиру» по всей стране» (7.12.2011).

В конце 2011 г. Обама ездил из штата в штат, осуждая усиленно продвигаемый Миттом Ромни лозунг «Вы и есть ваша экономика» (7.12.2011). Это «бросает вызов всему, на чем мы стоим», – сокрушался президент, помещая себя в центр прогрессивного нарратива гражданской сферы. Он и его команда начали представлять республиканского кандидата в образе «Бейн-капиталиста», не только метонимически, но и метафорически связывая его с агрессивной инвестиционной компанией “Бейн капитал” (Bain capital), управление которой в 1980-х и 1990-х принесло Ромни столь большое состояние. <...>

Весной 2012 г., когда состоялась номинация Ромни и нарратив президентского состязания окончательно оформился вокруг двух персон, очерняющая Ромни риторика усилилась, и нарратив о борьбе с неравенством и возрождении гражданской солидарности стал более возвышенным и амбициозным. «Это определяющий вопрос нашего времени», – объявлял президент Обама в апреле (14.04.2012). «Это судьбоносный момент для среднего класса», – заявлял он в мае (6.05.2012). В президентском обращении прозвучало, что Америка в 2012 г. опять балансирует в поворотной точке истории. Речь идет о том, будет ли страна двигаться вперед в лучшее будущее или вернется назад в опасное антидемократическое прошлое. «Каким-то образом [г-н Ромни] и его друзья в Конгрессе полагают, что те же плохие идеи [как те, что существовали в годы правления Буша] приведут к другому результату. Мы были там. Мы помним. И не собираемся возвращаться назад. Мы продвигаем эту страну вперед».

В августе партийные конвенции по номинации кандидатов, лишенные политической эффективности в силу наличия праймериз, обрисовали два сценария. Республиканское представление, развернувшееся первым, выглядело как «победитель получает все», что соответствовало этике экс-бизнесмена – кандидата в президенты. Продлившаяся неделю конвенция демократов прошла под девизом «Один за всех и все за одного» и вызвала ассоциации с идеалами кандидата – бывшего общественного организатора. Несмотря на свои консервативные пристрастия, обозреватель «Таймс» Дэвид Бруск с горечью отмечал «гипериндивидуализм» политического спектакля республиканцев: «Спикер за спикером, они прославляли героя-одиночку. Об обществе и сострадании почти не говорили» (31.08.2012).

К этому времени политические комментаторы и организаторы опросов общественного мнения уже говорили о «разрыве сочувствия». В августовском обращении к донорам штаб республиканцев предупреждал, что «избиратели полагают, что Обама им ближе» (11.08.2012). Согласно новостным репортажам, советники Ромни «лихорадочно работали над тем, как убедить избирателей, что Ромни может повлиять на их жизни, даже если он не похож на них» (11.08.2012). В ближайшие недели республиканская кампания обязалась «усиливать ее связь с избирателями». В начале сентября в неопределившемся штате Огайо в ответах на вопрос «Кто больше заботится о ваших проблемах?» президент лидировал над соперником-республиканцем с перевесом в 18% (12.09.2012).

VII

С момента закрытия избирательных участков вечером 6 ноября и известия о победе Обамы комментаторы, которые анализировали результаты экзит-пулов и объявляли результаты голосования, указывали, что фактически исход последней кампании Обамы определила «демография». Например, они отмечали, что в неопределенных штатах имели место изменения в расовом составе: на 3% сократилось число белых избирателей, принадлежащих к рабочему классу, и на 2% возросла доля небелого электората. Проводились корреляции между этими изменениями в составе населения и распределением голосов. 67% выходцев из Латинской Америки голосовали за Обаму и только 26% – за Ромни. Президент увеличил свою поддержку среди афроамериканцев с 90 до 95%. Он получил почти 60% голосов женщин. <...>

Как мы, однако, знаем из занятий по статистике на первом курсе, корреляции – это не причины. Паттерны голосования демографических групп – не прирожденные, но социально созданные. Отношения между политическими лидерами и социальными группами – этническими, религиозными, расовыми, сексуальными, гендерными или экономическими – это вопрос создания смыслов. Какие символические проекты проецируются в этих результатах? Как они принимаются?

Ко времени избрания Барака Обамы в 2008 г. он стал вполне «наполненным» (inflated) и чрезвычайно мощным символом той социальной революции, которая за последние полвека постепенно, но, по-видимому, неумолимо реконструировала американскую гражданскую сферу. Он был не только черным мужчиной со светлым оттенком кожи, женатым на черной женщине с более темной кожей, который получил десятки миллионов голосов белых. Он был афроамериканцем, позиционировавшим себя как последователя традиций Мартина Лютера Кинга и «Борьбы за свободу», необыкновенно одаренным, экономически и профессионально опытным политическим лидером, который посвятил свою общественную жизнь защите и расширению прав меньшинств в Соединенных Штатах. Обама стал первым президентом, который провел в Белом доме седед – еврейский ритуал, который повторяется при нем ежегодно.

В разгар кампании 2012 г. он издал указ, блокирующий депортацию 800 тыс. детей нелегальных иммигрантов, большинство из которых составляли выходцы из Латинской Америки и ни один

из которых не был рожден в США. Он отменил печально известную политику: «Не спрашивай, не говори» и постановил, что геям и лесбиянкам разрешено открыто служить в Вооруженных силах. Летом 2012 г. он выступил в поддержку легализации однополых браков. Оба судьи Верховного суда, назначенные Обамой, – женщины, одна с латиноамериканскими корнями, другая еврейка, а его политика здравоохранения требует, чтобы страховка покрывала и контроль за репродукцией.

В то время как Обама оккупировал священную почву новой американской социальной революции, открыто идентифицируя себя с интересами меньшинств, республиканцы дистанцировались от него, сделав из него Другого, изображая его как символ осквернения и даже угрозы всему тому, что традиционно считалось хорошим и даже правильным. Опросы показывают, что примерно 30–40% убежденных республиканцев считали его тайным мусульманином, 50% утверждали, что он родился не в США, его свидетельство о рождении подделано, чтобы он мог баллотироваться на высокий государственный пост; и только 28% республиканцев верят, что Обама на самом деле рожден в США (2.02.2011).

В то время как сам Ромни в значительно степени избегает публично подтверждать эти предрассудки республиканской аудитории, его ближайшие советники кампании более откровенны. Бывший губернатор Нью-Гемпшира Дж. Сунуну сказал: «Я бы хотел, чтобы президент научился быть американцем» (18.07.2012). В пылу борьбы Ромни хвастался, что в случае избрания его иммиграционная политика будет настолько суровой, что заставит латиноамериканских иммигрантов вернуться на родину по собственной воле.

Интересы, связываемые с демографическими категориями, не являются врожденными; они формируются. Именно перформативная проекция смыслов и их восприятие определили то, как группы меньшинств проголосовали на выборах в 2012 г. Символ «Барак Обама» слился с утопическими надеждами стигматизированных меньшинств, и эти символические связи позволили Обаме во время предвыборной кампании построить новую электоральную карту. Миллионы новых избирателей были зарегистрированы тысячами энтузиастов – малооплачиваемых сотрудников и волонтеров, которые затем поддерживали эти сети из новых связей, чтобы получить нужные голоса.

VIII

В этой лекции я выдвигаю культурно-социологическое объяснение победы Обамы в его последней избирательной кампании. Ни одно социологическое объяснение не может учесть те случайные факторы, которые предопределяют подводные камни, влияющие на траектории политической борьбы.

- Убийство Усамы Бен Ладена.
- Устойчивое снижение уровня безработицы.
- Поддержанный незначительным большинством голосов в Верховном суде Акт о доступном медицинском обслуживании.
- Публичное высказывание Ромни о 47% сторонниках Обамы как о жертвах.
- Провал Обамы в первом раунде президентских дебатов.
- Убийство в посольстве Ливии.
- Ураган «Сэнди».

Эстетически безупречное прогрессивное движение Обамы к политической победе могло претерпеть крах из-за любого из этих событий. Не только потому, что возникновение таких событий нельзя предсказать, но и потому, что их последствия бессрочны. Суть культурно-прагматического подхода заключается не в отрицании значимости подобных случайных факторов, а во включении их в анализ. Актеры создают смыслы, но они не выбирают обстоятельства. Задача культурсоциологии – определить социальные структуры, в рамках которых производятся эти смыслы.

Перевод О.Ю. Малиновой